

ЛЕКСИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье описывается система номинаций процесса физического восприятия (визуального и акустического) в устных мифологических нарративах в ее связях и отношениях с единицами других семантических полей, выявляется система смысловых характеристик, выражаемых перцептивной лексикой, а также устанавливаются корреляции с семиотикой и прагматикой жанра. В результате анализа установлено, что особенности употребления данной лексики обуславливаются содержательной основой текста (прежде всего – типом воспринимающего субъекта).

Ключевые слова: мифологический текст, нарратив, система лексики, восприятие визуальное/акустическое.

Особенности мифологических текстов – их слабая, нечеткая выделенность из устноречевого потока и в то же время повышенная семиотичность – заставляют исследователя обратить особое внимание на формальную сторону текста и прежде всего на языковую форму выражения культурных смыслов, воплощенных в нем. Анализ языковой стороны мифологических текстов может быть полезен для решения многих фундаментальных научных проблем, одной из которых является поиск механизмов репрезентации сверхъестественного – важнейшего мировоззренческого стереотипа народной традиционной культуры.

Проблема моделирования сверхъестественного в фольклоре, в том числе в мифологической прозе, давно и широко обсуждается в науке, при этом без данных лексико-семантического анализа не обходятся как структурно-семиотические исследования (С.Ю. Неклюдов¹), так и этнолингвистические изыскания (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Е.Е. Левкиевская, Л.Н. Виноградова

и др.²). Предлагаемая нами исследовательская стратегия состоит в описании семантики тематических групп лексики мифологических текстов и далее, на основе контент-анализа лексического материала в сочетании с компонентным анализом, определении семантических констант мифологического текста и построении системы смысловых характеристик, реализованных в текстах.

Для анализа тенденций моделирования сферы сверхъестественного в сознании носителей фольклора наиболее актуально наблюдение над перцептивной лексикой, описывающей и соответственно моделирующей процесс восприятия в мифологическом тексте, так как очевидно, что в текстах, содержание которых составляет повествование о визионерском опыте или другом контакте с мифологическим персонажем (далее – МП), лексика с семантикой физического восприятия несет значительную смысловую нагрузку.

Предмет наших наблюдений – вербальные единицы (чаще всего это глаголы) с семантикой физического восприятия (более 300 контекстов их употребления). В качестве материала исследования были избраны мифологические тексты одной тематической группы – о ходячих покойниках³, отвечающие следующим требованиям:

– в структурном отношении – это нарративы (были исключены поверья, экспликации обычаев, инструкции и др. виды мифологических текстов);

– в содержательном плане – это тексты, описывающие контакт человека с МП (из корпуса были исключены тексты сходной тематики, но без указанного признака, например тексты о предсказаниях смерти, о визите домового накануне смерти родственника и т. п.).

Лексика физического восприятия занимает особое место в системе языка; ее организация напрямую связана с особенностями перцептивной системы человека: она членится на ряд подсистем (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), которые образуют иерархию в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают зрение. За ней следует слух, а затем обоняние, вкус и осязание, хотя относительный порядок трех последних подсистем не столь очевиден и может быть оспорен.

Место той или иной подсистемы в иерархии, как указывает Ю.Д. Апресян⁴, напрямую связано с количеством обслуживающих ее лексем. В русском языке наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая зрительное восприятие, за ней, значительно уступая ей в объеме, следует лексика акустическая. Группы слов, обслуживающие системы обоняния, вкуса и осязания, примерно

равны в количественном отношении и еще менее многочисленны. Указанная особенность объясняется большей коммуникативной востребованностью словаря зрительной и слуховой систем, обслуживанием им наибольшего числа коммуникативных ситуаций⁵.

В материале устных мифологических рассказов эта общеязыковая тенденция прослеживается со всей очевидностью: в нашем корпусе первое место по числу единиц и общему количеству словоупотреблений занимает лексика визуального восприятия, далее следует лексика слуха (в четыре раза меньше примеров), имеются единичные примеры вербализации тактильного восприятия, примеры вербальной экспликации процессов обоняния и вкусового восприятия в анализируемом корпусе отсутствуют.

Таким образом, для МП-покойников характерно обнаружение себя по визуальному и акустическому каналу коммуникации, причем приоритетным способом перцепции данного типа МП является визуальный – это очевидно и по разнообразию лексики, и по частоте словоупотреблений, и по количеству смыслов, выражаемых визуальными характеристиками, и по структурной сложности данной лексической системы.

Зрительное восприятие

Зрение – наиболее универсальный модус восприятия: «зрительная система всегда работает как интегратор и преобразователь сигналов всех модальностей»⁶. По данным Русского семантического словаря⁷, словарей синонимов⁸, специальных работ по семантике русского глагола⁹, в русском языке семантическое поле зрительного восприятия имеет развернутую вербализацию.

В корпусе мифологических текстов лексический ряд с соответствующей семантикой оказался невелик (*видеть, увидеть, видеться, привидеться, видать, видно, заметить, замечать, смотреть, посмотреть, глядеть, поглядеть, взглянуть, заглядывать, оглянуться, уставиться, казаться, показаться, оказаться, чудиться, причудиться, мерещиться, примерещиться, сниться, открыть глаза, поднять глаза/взгляд, наблюдать, являться, появляться, заявляться, пропасть, исчезнуть, (как) растаять, раствориться (в воздухе), удаляться*).

Смыслы, выражаемые компонентами этого ряда, можно структурировать вслед за Ю.Д. Апресяном¹⁰ как тернарную оппозицию: ‘воспринимать’ (‘видеть’) – ‘восприниматься’ (‘быть видимым’) – ‘использовать способность восприятия’ (‘смотреть’). С добавле-

нием параметра 'результативность/нерезультативность' система предстает как три взаимосвязанные оппозиции: 'видеть'/ 'не видеть'; 'смотреть'/ 'не смотреть'; 'быть видимым'/ 'быть невидимым'.

Анализ контекста употребления лексики показал, что для описания процесса зрительного восприятия в мифологических текстах релевантны следующие параметры: субъект действия, субъект зрительного восприятия, объект зрительного восприятия, оценка результатов зрительного восприятия как достоверных/недостоверных.

Субъект действия – тот, кто выполняет действие, названное глаголом, т. е. тот, кто *смотрит, видит, замечает, показывается, чудится, снится* и т. д.:

– реципиент (*Иду я часов десять домой, а у нас большой тополь растет, гляжу, а она на том тополе, как была одета, когда хоронили, волосы распущены, руки расставлены, и летела (Чер., № 13)*);

– родственники реципиента или люди из ближайшего социального окружения (*А она <мама> уже замечала за мной (Зин., № 384)*);

– МП (*Задремал я или нет, не знаю, но в окно заглядывает моя жена-покойница (Пух., № 594)*);

– нулевой субъект – в безличных конструкциях, когда визуализация персонажа или процесс его зрительного восприятия описываются как происходящие сами по себе (*Я легла поперек кровати, уснула. Мне и привиделось (Чер., № 14)*).

Субъект зрительного восприятия – тот, кто использует способность зрительного восприятия в ситуации, описанной с использованием данного глагола. Он может совпадать с субъектом действия (ср.: *залез на колокольню, гляжу: моя Маруся там сидит! (Зин., № 412)*), а может и не совпадать (*Смотрю, лежит человек, Ильюха привиделся (Чер., № 18)*; *Умер у меня отец, а через месяц явился его дух и сказал, что ждет меня что-то недоброе (Пух., № 578)*), и в таком случае субъект действия – МП, а субъектом зрительного восприятия выступает человек.

Объект зрительного восприятия – то, что воспринимается зрительно в ситуации, описанной с использованием данного глагола. Чаще всего это МП (*Похоронила жена мужа. А он ей снится ночью да снится (Пух. № 547)*; *И всем там чудилась девушка, дочь попа (Зин., № 405)*) или ситуация, интерпретируемая как сверхъестественная, каузированная действиями покойника (ср.: *Ванина матка заметку сделала, когда умерла. <...> У меня мелка подушка посреди кровати поставлена, покрывалом покрыта. Смотрю, а она у самой кромки лежит, и покрывало сверху. Ежели бы свалилась, то*

покрывало б под ней лежало. Я и говорю: «Ваня, гляди, опять заметка» (Чер., № 15)).

Оценка результатов зрительного восприятия как достоверных/недостоверных. Различия в оценке результатов зрительного восприятия по параметру 'достоверность/недостоверность' зависят от тематической отнесенности глаголов, обозначающих этот процесс, – собственно глаголы визуального восприятия (*видеть, смотреть, глядеть, замечать* и др.) или ментальные глаголы в роли глаголов зрительного восприятия (*казаться, мерещиться, чудиться, сниться, видеть (во сне)* и др.). То, что описывается с помощью ментальных глаголов, воспринимается как менее достоверное¹¹.

В изображении процесса зрительного восприятия в мифологических текстах наблюдается функциональная специализация смысловых характеристик: за определенными типами персонажей (субъектами действия) закреплены определенные лексемы. Действия МП состоят в обнаружении себя для человека (*быть видным, показаться, привидеться, явиться, исчезнуть* и др.):

Потом один **явился** прямо перед ей. Сели за стол, как всегда. А стал вставать, глядит, а у его хвост **видать** (Чер., № 24).

Умер у меня отец, а через месяц **явился** его дух и сказал, что ждет меня что-то недоброе (Пух., № 578).

И вдруг он **исчезает, растворяется в воздухе** (Пух., № 572).

Способность видеть и само это действие (*видеть, замечать, смотреть, глядеть*) присущи прежде всего человеку, а не МП:

И вот она однажды, вся бледная, **прибегает ко мне и говорит, что сегодня во сне видела Серёжу** (так звали ее покойного сына) (Пух., № 553);

А молодуха уронила ножик, специально. Стала подымать и **видит** ноги мохнатые (Чер., № 23).

Смотрю, лежит человек, Ильюха привиделся (Чер., № 18).

Смотрит – никого не видно (Зин., № 391).

Глагол *замечать* относится только к родственникам реципиента и употребляется в ситуации, когда обнаруживается вредоносное воздействие МП на человека:

А напротив сын ее с семьей жил. Они и **заметили**, что она все время с кем-то разговаривает (Чер., № 22).

Потом **заметили**, что пойдет в лес с веревкой (Чер., № 20).

Примечательно, что глагол *заметить* обладает наибольшим потенциалом достоверности из всех глаголов зрительного восприятия: «...то, что **замечено**, реально существует с гораздо большей вероятностью, чем то, что **увидено**. <...> **Замечать** в контексте со-

ответствующего имени создает гораздо более сильную пресуппозицию его реального существования, чем *видеть*»¹².

Позиции субъекта и объекта зрительного восприятия в мифологических текстах имеют постоянное замещение. Наиболее типичные ситуации для быличек:

1) субъект – человек-реципиент, объект – мифологический персонаж или вся ситуация явления покойника в целом (описываемая как реальная или происходящая во сне);

2) субъект – родственники/люди из близкого социального окружения реципиента, объект – человек, контактирующий с МП.

Значительно реже в роли воспринимающего субъекта выступает МП, который приходит посмотреть на своего ребенка (вариант – внука), единичными примерами представлено описание взаимного зрительного контакта МП и человека.

Примеров употребления глаголов визуального восприятия в других ситуациях, не имеющих отношения к основной коллизии текста, не обнаружено. Этот факт представляется значимым, поскольку в русском языке для глаголов визуального восприятия характерна чрезвычайно широкая сочетаемость¹³. Очевидно, эта особенность связана с тематикой текста и, видимо, свидетельствует об ориентации лексики былички на выполнение основного семантического задания текста, а также о доминирующей роли функционального параметра в смысловой и языковой организации мифологического нарратива.

Акустическое восприятие

Лексические средства обозначения процесса слухового восприятия представлены в корпусе мифологических текстов в гораздо меньшем объеме (в 4 раза), чем лексика визуальная.

Прежде всего, причины тому следует искать в самом языке: как указывалось выше, лексика слуха в русском языке значительно уступает по объему лексике зрительного восприятия. Кроме того, есть еще причины, как кажется, обусловленные спецификой мифологического текста.

Так, система смыслов, выражаемых лексикой слуха, организована как тернарная оппозиция:

‘воспринимать’ (‘слышать’) – *слышать, услышать, подслушать, чувствовать*;

‘восприниматься’ (‘быть слышным’) – *слышно, слышать, слышаться, послышаться, чудиться, мерещиться*;

‘использовать способность восприятия’ (‘слушать’) – *послушать, прислушаться*;

т. е. аналогично системе, наблюдаемой в организации визуальной лексики. Но структура этого поля другая – отсутствует полюс отрицательных значений: если в случае описания визуального образа фиксируются как его появление, так и исчезновение (или же его отсутствие), то при изображении акустических сигналов в тексте нерелевантно отмечать прекращение звучания.

Субъект действия в процессе слухового восприятия всегда человек (реципиент, его родственники):

Слышу, будто кто-то ходит по избе (Чер., № 15).

Слышу: колокольчики тук-тук-тук – едут (Зин., № 385).

Вдруг часа в два ночи слышим: кто-то в сени шибко-шибко стучится (Зин., № 387).

Я прислушался: «Че тако?..» Ишо поближе, ишо! Шурудит (Зин., № 411).

Свёкор подслушал: «Ты с кем разговариваешь?» – «То Федор пришел» (Чер., № 9).

Субъект действия может отсутствовать в том случае, когда лексема сочетается с неодушевленными существительными, обозначающими акустические сигналы (*шаги, звуки – слышатся*):

Шаги слышно – дело было зимой – и ажно снег хрустит (Зин., № 387).

Еще по ночам ей слышался голос, зовущий ее по имени, звуки шагов (Пух., № 590).

Субъект акустического восприятия также всегда человек (чаще всего сам реципиент, иногда его родственник), может быть и обобщенный субъект (люди вообще) в случае употребления безличного глагола слухового восприятия («слышаться»):

В доме происходили странные вещи. Пропадали вещи, ночью ходили по дому какие-то люди, слышались на чердаке шаги. Говорили, что души детей поселились в доме и пугают хозяев (Пух., № 564).

Одна знакомая рассказывала мне, что когда умерла ее некрещеная дочь, то в доме стали слышаться разные стуки, шорохи, прыжки (Пух., № 587).

Весьма значимо, что МП никогда не изображается ни как субъект действия, ни как субъект восприятия, в отличие от ситуации зрительного восприятия. В тексте никогда не говорится, что покойник что-то слышит, что-то услышал, однако при этом из контекста ясно, что способностью слухового восприятия он обладает. Так, этот персонаж реагирует на акустические сигналы:

Вот приехал он в эту деревню, а в доме, где ночевал, давно уж он не был. Постучал. Женщина открыла, постелила постель. <...> Утром проснулись, дед и старуха спрашивают: «Кто тебе открыл дверь?» – «Сноха». – «Она умерла!» – отвечают (Чер., № 6).

У одной женщины умер муж. Он к ней ходил. <...> ...Молодуха уронила ножик, специально. Стала подымать и видит ноги мохнатые. Она говорит: «Господи, помилуй!» Он и исчез (Чер., № 23).

Однажды поехали мужчины, один отстал. Потом догнал нас без памяти. Там, говорит, сидят двое у огня. Я крикнул, они пропали (Чер., № 36).

Для быличек о покойниках вообще типичен мотив исчезновения МП как реакции на звуковой сигнал повышенной семиотичности, например пение петуха, матерную брань, молитву. Кроме того, довольно часто в быличке МП-покойник вступает в беседу с реципиентом, говорит сам и отвечает на вопросы. Из всего сказанного явствует, что слух у данного персонажа имеется, более того, со слухом у него все в порядке. Отмеченная особенность состоит в другом – глаголы слухового восприятия в мифологическом тексте не сочетаются с номинациями МП, они относятся только к человеку.

Полное отсутствие относящейся к МП слуховой лексики (при наличии, хотя и небольшого, количества слов, описывающих процесс зрительного восприятия, субъект которого – покойник) связано, видимо, с тем, что слуховое восприятие по сравнению со зрительным имеет более рефлексивный, осмысленный характер: этот процесс происходит в сознании, его протекание не выражается внешне. Текст былички, с его установкой на достоверность, представляет точку зрения рассказчика и не допускает возможности изображения «внутреннего мира» демона¹⁴.

Далее, обратим внимание на **объект восприятия** – что слышат в мифологическом тексте, вернее, номинации каких объектов появляются в сочетании с глаголами слухового восприятия.

Примеров, когда отмечается, что слышна речь (голос, шепот), крайне мало. В основном все случаи употребления глаголов слухового восприятия связаны с невербальными акустическими сигналами: «стучит», «стучится», «шаги», «хруст снега», «будто кто-то ходит», «шорохи», «прыжки», «скрип двери», «загрело-зашумело», «шоборчит», «шурудит», «колокольчики тук-тук-тук», «музик храпит», «играют на инструментах», «петухи поют», «слышу, в сенях как обдирают лыко» и т. п. По сути, глаголы слухового восприятия в мифологическом тексте выступают как маркеры неречевых сигналов.

При описании же вербальных сигналов они просто не используются. При этом нельзя сказать, что в предложениях с наличием пря-

мой речи и отсутствием специального глагола слухового восприятия наблюдается структурная неполнота из-за пропуска глагола. Данный смысл просто выражается иначе – глаголами речи (активная сторона говорит – ясно, что другой участник коммуникации его слышит). Ср.:

*Одна старушка зашла на кладбище и села на чужую могилку. К ней подошел молодой человек и **говорит**: «Пересядь» (Чер., № 2).*

*Сплю я, железо под столом. Луна в окне. Заходит (сын, который не так давно умер), во всем военном. **Говорит**: «Здравствуй, мама». А подойти не может (Чер., № 7).*

*Еще было. Она плакала по ем. Он встретился ей, **говорит**: «Вот я тут. Я к тебе придю», – говорит (Чер., № 20).*

Процесс зрительного восприятия также часто оказывается невербализованным, когда описание ситуации предполагает, что объект воспринимается зрительно, но в этих примерах со всей очевидностью наблюдается разговорно-речевой эллипсис – глагол легко восстанавливается из контекста:

...открыли гроб-то, а она и правда, лежит, а на платье три пятна, трехдневной давности (Чер., № 48). (Ср.: «...открыли гроб-то (и видят), а она и правда, лежит...»)

Говорит, вышла я к сараю, и стоит мой муж покойный (Пух., № 572). (Ср.: «...вышла я к сараю, и (вижу) стоит мой муж покойный».)

Из тропки выхожу, дядька идет в шинели. У нас такого нет (Чер., № 36). (Ср.: «...выхожу (и вижу), дядька идет...»)

Таким образом, глаголы слухового восприятия в семиотическом плане более нагружены, чем визуальная лексика: они не востребованы в ситуации речевого общения, а выступают в сочетании с особыми акустическими сигналами появления МП – как знак аномалии или, по крайней мере, необычной ситуации.

Говоря же в целом о системе лексики физического восприятия в мифологическом тексте, отметим, что своеобразие ее организации обуславливается как действием языковых закономерностей, так и влиянием семиотической системы текста.

Примечания

¹ Неклюдов С.Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore. Napoli: M. D'auria editore, 2010. Vol. 2. P. 101–120; *Он же*. Какого роста демоны? // *In Umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 85–122; *Он же*. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной

- словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 6–43.
- ² *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3; 2009. Т. 4; 2012. Т. 5.
- ³ Материалом анализа послужили тексты быличек из сборников: Былички и бывальщины Воронежского края: сб. текстов / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж: Научная книга, 2009. 386 с. (Пух.); Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. комментариев О.А. Черепанова. СПб.: СПбГУ, 1996. 212 с. (Чер.); Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с. (Зин.) Примеры приводятся по указанным изданиям.
- ⁴ *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 359–364.
- ⁵ Там же; см. также: *Резин И.Г.* Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
- ⁶ *Ананьев Б.Г.* Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982. С. 16.
- ⁷ Русский семантический словарь. Т. 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именования. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. М.: ИРЯ РАН, 2007. 952 с.
- ⁸ *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/> (дата обращения: 05.02.2014); *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 567 с.; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / (Авт. ст.: В.Ю. Апресян (и др.)); под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.; Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2004. 648 с.
- ⁹ *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
- ¹⁰ *Апресян Ю.Д.* Указ соч. С. 357.
- ¹¹ Добавим высказанное во время обсуждения проблемы замечание С.Ю. Неклюдова об одной особенности реализации параметра «достоверность» применительно к описанию процесса зрительного восприятия: важно, что ментальные глаголы в этих контекстах относятся к МП, а не человеку, т. е. *кажется, мерещится, чудится* демон, а *видит, смотрит, замечает* человек.
- ¹² Новый объяснительный словарь синонимов русского языка... С. 93.
- ¹³ Там же. С. 92–96.
- ¹⁴ Последующее изучение лексики мифологического текста показало, что ментальная лексика, очень широко представленная в отношении человеческих персонажей, абсолютно нерелевантна для персонажей мифологических.